

Геннадий Зельдович

Вечность в лирическом тексте. Пять манифестаций

Резюме: В статье рассматривается структура времени в лирическом дискурсе. Показано, что лирическое время стремится трансцендировать свою собственную природу и по крайней мере в некоторых аспектах уподобить себя вечности. Обсуждаются пять стратегий такого уподобления. Они заключаются (1) в циклизации времени; (2) в объявлении истинными сразу двух контрадикторных утверждений; (3) в «опустошении» времени; (4) в кластеризации референтов; (5) в использовании характеризующих тот или иной референт итеративных конструкций. Все названные приемы встречаются преимущественно в тех фрагментах лирического текста, где происходит открытие главной истины, и потому могут считаться изысканными маркерами главного дискурсивного плана. Выводы работы основаны на анализе 100 стихотворений.

Ключевые слова: лирическое стихотворение, фокус лирического стихотворения, дискурсивная привилегированность, вечность, время

Светлой памяти Григория Крейдлина

1. Предисловие

Можно думать, среди своих основных целей семиотическая деятельность человека имеет его приближение к вечности, то есть выход из времени в такое, говоря языком Блаженного Августина (Августин 1991), «место», где без какой-либо дисгармонии, а тем паче противоречия присутствует все мыслимое и где бытие обретает свою предельную полноту.

По П. Рикеру (1998), в литературе важнейшим проявлением этой тенденции становится сюжетность. Интрига драматического либо нарративного текста, во-первых, собирает отдельные события воеди-

но, в результате чего «оплотняет» время и сближает его с бесконечно «емкой» вечностью, во-вторых же, достигнув развязки, приглашает или даже заставляет мысленно посмотреть на все происшедшее с новой точки зрения, увидеть его ретроспективно, а это придает художественному времени, помимо изначального поступательного, еще и дополнительный попятный ход.

В статье (Зельдович 2025) обращено внимание на ряд примеров, свидетельствующих, что аналогичный феномен обнаруживается и в текстах лирических. Время в них способно как бы раздваиваться и оттого обретать радикально более высокую «содержательность», если его структура создается сразу и такими каноническими в данной роли средствами, как глаголы, и средством неканоническим, изначально для роли этой не предназначенным: существительными, притом не абстрактной, а конкретной или вещественной семантики.

Весомое участие существительных в строительстве темпоральных отношений оказывается не случайностью, но глубоко осмысленным композиционным приемом. Как хорошо известно, в силу своей жанровой природы лирическое стихотворение обычно сперва представляет некий проживаемый автором¹ опыт, а затем, благодаря последнему, приходит к открытию той или иной достаточно важной, нередко и мировоззренчески ключевой истины, во многих случаях заставляющей автора пересмотреть свои взаимоотношения с жизнью либо с собой самим (Сильман 1977). Фрагмент, где истина постигается, становится главным планом, так сказать, фокусом текста, а прочие, эмпирические по содержанию фрагменты получают уже подчиненный ранг (Зельдович 2021). Знаменательно, что описанное выше «удвоение» времени регулярно совершается именно в фокусе (Зельдович 2025).

Есть, однако, причины думать, что на самом деле в стремлении сближить свое время с вечностью лирика идет гораздо дальше. Здесь мы хотели бы обосновать два тесно, хотя и диалектически взаимосвязанных тезиса.

Первый тезис заключается в том, что сближение времени с вечностью может происходить не только путем его, так сказать, усложнения,

1 Корректнее было бы говорить не об авторе, а о лирическом герое, однако здесь в эти тонкости углубляться не обязательно.

его конденсации, но и наоборот, тогда, когда оно теряет свои прототипические свойства.

На вопрос, какова природа вечности, предлагалось множество ответов. Вечность трактовалась как «место», где пребывает Бог или где пребывают платоновские идеи; как начальный источник времени; как первозамысел бытия, во времени себя разворачивающий; как неизменный аспект в существовании временных, преходящих явлений, в частности, как единое и недвижимое «ныне», через которое протекают последовательно совершающиеся события, или как метафизическое единство всех этих событий; как присущая моментальным событиям их атемпоральность — так сказать, их «незапятнанность» наличием внутренней темпоральной структуры; как принципиальная неисчерпаемость времени, безначального и непрерывного, и т. д. (Кумарасвами 2017). К сожалению, мы не располагаем хорошими аргументами, позволившими бы нам присоединиться к одной из названных позиций, или выработать свою собственную, или по крайней мере убедиться, что ясная дефиниция обсуждаемого концепта вообще осуществима. Поэтому наше представление о вечности обречено остаться достаточно расплывчатым. Тем не менее едва ли подлежит сомнению самое важное для нас обстоятельство: то, что вечность является вневременным вместилищем всех мыслимых потенций, всех воображимых «готовностей».

С другой стороны, ключевой атрибут времени достаточно определен: это взаимоупорядоченность, взаимопоследовательность помещаемых во время событий².

Поскольку же между понятием времени и понятием вечности налично не только различие, но и теснейшее сродство и поскольку, вдобавок к этому, вечность — одно из понятий, о котором человеческая мысль привыкла рассуждать почти исключительно апофатически (вечность нельзя четко определить; ее, как и Бога, нельзя до конца постичь; у нее нет длительности; в ней нет различия между единичным и множественным; в ней нет движения в привычном значении слова; в ней примиряются, в определенном смысле исчезают противоречия; в ней

2 Термин *событие* будет использоваться в широком смысле. Это не только событие как скачок, переход мира в новое состояние, но также и процесс, и состояние, и вообще любая ситуация, которая во времени может быть локализована.

нет ничего частного и отдельного; у нее нет границ и т. п.), постольку если разрушить или ослабить названный событийный взаимопорядок, то время должно в какой-то степени уподобиться вечности.

Несомненно, событийный взаимопорядок в том или ином аспекте ставится под угрозу уже самой природой лирического фокуса, который тяготеет к обобщенности, а иногда даже надвременности, однако у этой тенденции имеются и вполне конкретные, количественно-измеримые проявления.

Действительно, вообразим себе, что некоторому времени придан не линейный, а циклический характер: один и тот же ряд событий многократно повторяется или следствие одного события объявляется вдобавок еще и его причиной. Это время в конечном счете окажется временем мифологическим, как бы собирающим в себе историю мира, а такое время наверняка в близком родстве с вечностью.

Другой, притом уже радикальный, способ «разупорядочить» время — это применительно к соответствующему интервалу утверждать сразу и истинность, и ложность какой-то пропозиции. Очевидно, если учитывать не тропеический, но именно прямой смысл сказанного (а такая интерпретация не запретна даже в поэзии и, более того, для поэтического текста почти всюду актуальна, пускай хотя бы и как исходный пункт для интерпретаций более ухищренных, связанных уже с надстраиванием разного рода импликатур), бесконфликтная истинность двух контрадикторных утверждений невозможна во времени, однако возможна в вечности.

Далее, упорядоченность времени ощутимо ослаблена там, где мы отрицаем наличие в нем каких-то контекстно значимых событий, его таким образом всецело либо частично «опустошая».

Наконец, нарушить прототипически свойственный времени взаимопорядок событий допустимо путем, так сказать, кластеризации референтов. В нормальном случае если текст обращается к ряду референтов и если между ними нет имплицативных отношений (таких, как, допустим, между *автомобилем* и *мотором*, *человеком* и *рукой*, *морем* и *дном*), то предполагается их взаимонезависимость: каждый из них может в разное время участвовать в значимых событиях и оттого в разное время привлекать к себе интерес говорящего и в разное время им упоминаться. Однако существуют контексты, где априори самостоя-

тельные референты объединяются в устойчивый кластер и выступают уже как некая трудноразделимая целостность, что обсуждаемому взаимоотношению грозит очевидным обеднением. Кроме того, возникающий таким образом «сборный» референт весьма причудлив, а наиболее подходящим «вместилищем» для необычных феноменов, вновь-таки, является вечность.

Ниже мы представим свидетельства тому, что все названные приемы используются лирическим текстом как маркеры фокуса.

Наш **второй тезис** касается ситуации, когда время лирического фокуса сближается с вечностью благодаря своему «удвоению». Как мы уже говорили, один пример подобного удвоения описывался в (Зельдович 2025), и связан он с тем, что в формировании темпоральной структуры могут совместно участвовать такие несходные средства, как глаголы и непредикатные существительные. На самом деле данный прием может приобретать намного более разнообразные формы. Очевидно, не только в поэтических текстах, но и в текстах любого иного типа временная структура часто обнаруживает ощутимые внутренние дихотомии. Среди прочего это контраст между собственно итеративным значением одних предикатов и итеративно-характеризующим значением других. Однако лирическая поэзия придает таким раздвоениям времени свой дополнительный, жанрово-специфический смысл, ибо в ней они типичны именно для фокуса и должны рассматриваться как его опознавательная особенность.

К сожалению, из-за ограниченного объема статьи второй тезис получил в ней лишь беглую разработку: в стороне остались такие увлекательные темы, как использование неаккузативных глаголов для удвоения времени и др.

Хотя два представленных тезиса кажутся друг другу противоположными, между ними имеется глубинное единство. Если, согласно первому, время может уподобиться вечности потому, что, фигурально говоря, потеряло в своих собственно темпоральных свойствах, а согласно второму — потому, что им приобретены положительные качества, то в обоих случаях у соответствующих приемов все равно имеется одна и та же конечная цель.

Мы допускаем, что каждая из пяти рассматриваемых ниже текстостроительных стратегий, будучи взята по отдельности, в принци-

пе может получить особую интерпретацию, отличающуюся от нашей. С другой стороны, трудно себе вообразить иную, чем предлагаемая, интерпретацию, которая объясняла бы все эти столь, казалось бы, непохожие стратегии как некое единство, вырастающее из общего корня. Между тем именно к такому решению надо стремиться, ибо оно обладает по крайней мере двумя преимуществами. Первое связано с общенаучным принципом, согласно которому при прочих равных условиях унитарная трактовка ряда феноменов предпочтительна перед неунитарной. Второе преимущество в том, что с большой вероятностью наш подход позволяет увидеть в описываемых явлениях не просто сходство, но и то самое глубинное первоначало, из которого вообще возникает лирическая поэзия и перед лицом которого человеческое бытие во времени воспринимается как заложничество и изгойство.

И первый, и второй наш тезис находят подтверждение в обследованном нами материале, включающем 100 стихотворений. В основном это стихи русских поэтов: А. А. Ахматовой, А. А. Блока, Г. В. Иванова, М. Ю. Лермонтова, О. Э. Мандельштама, Б. Л. Пастернака, А. С. Пушкина, Ф. К. Сологуба, А. А. Тарковского, Ф. И. Тютчева, М. И. Цветаевой и др., — однако учитывались и отдельные переводы с английского, немецкого, португальского, польского и японского языков; в таком случае анализу подвергалась именно русская версия³.

К сожалению, обследованный корпус едва ли можно считать сбалансированным, и это связано с его малым объемом. Так или иначе, выявленные статистические различия между эмпирической частью и фокусом лирического текста в большинстве случаев оказываются столь разительными (иногда даже почти десятикратными), что трудно не видеть в них пускай и предварительное, но все же весомое подтверждение наших гипотез.

3 Хотя эстетические принципы, которым обычно следует японская поэзия, могут быть достаточно экзотичными для европейца, несомненно ее принципиальное — и даже куда более принципиальное, нежели в поэзии европейской, — стремление обращаться к единому и вечному опосредованно, через упоминание о единичном и сиюминутном, то есть в апофатическом ключе, а именно это обстоятельство является для нас важнейшим; см. об этом, например, диссертацию Г. С. Померанца (2015 [1968]) с большой дальнейшей литературой.

Полный список проанализированных стихотворений дается в Приложении.

2. Дискурсивные стратегии, приближающие лирическое время к вечности

2.1. Стратегия 1: Циклизация

Важнейшим атрибутом времени, напомним, является взаимоупорядоченность погруженных в него событий. Она обретает свой вполне канонический облик, когда всякое событие хотя бы в принципе подлежит однозначной идентификации, то есть соблюдаются по крайней мере два условия: (1) можно установить, какие события предшествуют данному и/или какие за ним следуют; (2) можно установить, какими событиями данное каузировано и/или какие каузированы данным (в связи с вторым условием см.: Davidson 1980).

Отсюда видно, что время должно ощущать потерю в своей структурированности, если оно подвергается циклизации: если события либо движутся по кругу, так что каждая их последовательность многократно воспроизводится, либо же если результат определенного события подается текстом еще и как его причина; подобный прием хотя и парадоксален, но не чужд поэтической речи. Здесь вообразим также крайний случай, когда сначала сообщается, что событие P₂ каузировано событием P₁, а затем — что в P₂ как раз и заключена суть P₁, то есть круговой характер причинно-следственных связей слегка замаскированным образом упрощается до обычной тавтологии. Разумеется, бывает и так, что автор напрямую и без всяких ухищрений заявляет о «самозамкнутости» происходящего, в духе *Все это опять повторится* или *Все было встарь. Все повторится снова* (О. Э. Мандельштам).

В обследованном нами корпусе лирических текстов циклизация встретила многократно, и ниже мы приведем примеры. Начнем с тех, где итеративизации подвергнут целый ряд событий, а затем обратимся к случаю, когда кольцевой характер приобретают каузальные связи.

В финале и вместе с тем фокусе мандельштамовского стихотворения «Я не слышал рассказов Оссиана...» многократно повторяющимся ока-

зывается ряд событий 'скальд сложит чужую песню — скальд произнесет ее, как свою':

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине,
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет⁴.

Судя по всему, подобный эффект, хотя и другим путем, возникает также в финале и фокусе мандельштамовского «Ламарка»:

Был старик, застенчивый, как мальчик,
Неуклюжий, робкий патриарх...
Кто за честь природы фехтовальщик?
Ну конечно, пламенный Ламарк.

Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,

4 Здесь и ниже тексты О. Э. Мандельштама приводятся по изд.: Мандельштам 2009.

На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.

К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав средь ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.

Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.

Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет — ты зришь в последний раз.

Он сказал: довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта любил,
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

И от нас природа отступила
Так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила,
Словно шпагу, в темные ножны.

И подъемный мост она забыла,
Опоздала опустить для тех,
У кого зеленая могила,
Красное дыханье, гибкий смех...

Если бы в двух заключительных строках речь шла о судьбе отдельных, взятых в своей единичности представителей человеческого рода, то, по известным законам иконизма, сначала должно было бы упоминать-

ся *дыханье*, а затем уже — *могила*. Однако у Мандельштама порядок упоминания обратный, антииконический, и, как практически любое отступление от иконических правил в поэзии, он должен служить какой-то осмысленной цели. Самая же бесспорная здесь цель — подчеркнуть, что имеются в виду люди как генерическая общность, для которой жизнь и смерть (метонимически ассоциированные, соответственно, с *дыханьем* и *могилой*) представляют собой части многократно повторяющегося цикла⁵.

Примером циклизации, возникающей не в фокусе, а в эмпирической части текста, может быть пушкинская строка *То робостью, то ревностью томим...* из стихотворения:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим⁶.

Другой названный выше вид циклизации возникает там, где следствие определенного события подается также как его причина. Этот вариант намного реже предыдущего, но и очень примечателен ввиду своей, — впрочем, в конечном счете скорее кажущейся — алогичности.

Самым недвусмысленным примером в нашем материале оказалось стихотворение Ф. Пессоа (перевод с португальского наш — Г. З.;

5 Ср. контрастирующую с мандельштамовским текстом строфу из Ф. К. Сологуба, где, несмотря на ее обобщенный смысл, человек берется именно в своей сингулярности, как единичный, хотя и репрезентативный представитель целого класса:

Что Творцу твои страданья?
Кратче мига — сотни лет.
Вот — одно воспоминанье,
Вот — и памяти уж нет.
(Сологуб 2020)

6 Тексты А. С. Пушкина приводятся по изд.: Пушкин 1955. В слове *Бог*, по современной норме, строчная буква заменена на прописную. — Г. З.

интересуемся русской версией; в обсуждаемом плане она скорее не отстывает от оригинала, «*Tudo que sou não é mais do que abismo...*», но многое «досказывает», так что его анализ потребовал бы длинных дополнительных рассуждений):

Я сам — глубокая пучина,
Где тусклый путеводный свет —
Прозрение, что есть причина
Тому, чему причины нет.

Я так же разумом несмелым
Из небыли вырастаю в быль,
Как ветру делается телом
От ветра взбившаяся пыль⁷.

В финале и фокусе речь идет о том, что поднятая ветром пыль как раз и представляет собой необходимое — хотя и в некотором метафорическом, но законном и важном для поэзии смысле — условие, чтобы ветер вообще возник.

Как мы упоминали выше, вообразима ситуация, когда событие Р₂ сначала объявляется следствием события Р₁, а затем оказывается, что в Р₂ как раз и заключена суть Р₁, и это упрощает порочный каузальный круг до слегка прикрытой тавтологии. Такую разновидность порочного круга можно усмотреть в первых двух строках мандельштамовского стихотворения:

Паденье — неизменный спутник страха,
И самый страх есть чувство пустоты.
Кто камни нам бросает с высоты —
И камень отрицает иго праха?

7 Здесь и ниже тексты Ф. Пессоа приводятся по изд.: Пессоа 2015.

И деревянной поступью монаха
Мощеный двор когда-то мерил ты,
Булыжники и грубые мечты —
В них жажда смерти и тоска размаха...

Так проклят будь, готический приют,
Где потолком входящий обморочен
И в очаге веселых дров не жгут!

Немногие для вечности живут,
Но, если ты мгновенным озабочен,
Твой жребий страшен и твой дом непрочен!

Согласно первой строке, *паденье* становится следствием *страха*, а вторую строку вполне убедительно воспринять в том смысле, что напрямую со *страхом* отождествляемое *чувство пустоты* — это и есть *паденье*. В таком случае *паденье* выступает и как следствие, и как причина.

Безусловно, данное понимание не единственно возможное. Однако оно означает, что соответствующий порочный круг возник в эмпирической части текста, давая свидетельство не в пользу, а против нашей гипотезы о связи между циклизацией событий и лирическим фокусом. Поэтому выбор описанной интерпретации представляется совершенно добросовестным решением.

Подведем итоги. В обследованном материале из ста лирических текстов циклизация встретила в эмпирических фрагментах 7 раз, в фокусных 8 раз.

Значит ли это, что имплицитные циклизацию конструкции распределяются между эмпирическими и фокусными фрагментами приблизительно поровну и, таким образом, в маркировании фокуса циклизация не играет никакой роли?

Нет, этот вывод был бы ошибочным. Как показали наши подсчеты, сделанные на материале случайным образом отобранных 2000 стихотворений, средняя длина эмпирической части составляет 15,9 строки, а

средняя длина фокуса — 2,3 строки, так что фокус короче в 6,9 раза (Зельдович 2021: 106). Поэтому при случайном распределении циклизаций на семь обнаруживших циклизацию эмпирических фрагментов должен был бы прийтись всего один фокусный. Поскольку же на самом деле таких фокусных фрагментов в восемь раз больше, постольку ввосьмеро выше и вероятность, что в них возникнет циклизация, а следовательно, циклизация времени представляет собой надежную примету лирического фокуса.

2.2. Стратегия 2: Совмещение взаимоисключающего

Допустим, кто-то делает утверждение *Леноре снится сон* и утверждение *Леноре ничего не снится*. Могут ли они оба быть истинными? Разумеется, да, но только если сообщаемое приурочивается к разным временным отрезкам, иначе говоря, если две названных ситуации трактуются как участвующие в формировании временного порядка. Если, однако, мы попробуем их отнести к тому же самому времени, то в соответствующем аспекте временной порядок серьезно пострадает.

Очевидно, противоречия данного типа в повседневном или деловом общении воспринимаются как неприемлемые, а в произведениях поэтических чрезвычайно распространены и становятся триггерами, которые запускают создание разнообразных и существенно обогащающих текст импликатур (см., например: Зельдович 2021: 245–299). Дело, однако, в том, что, как мы уже упоминали, в поэзии никакая тропика — кроме разве что тропики, давно устоявшейся в языке и потерявшей внутреннюю форму, — не заслоняет полностью прямое значение сказанного, но остается с ним в наглядном и открытом разнообразном амплификации взаимодействии.

Поэтому мы не можем уйти от вопроса, какую же прямую, первичную, а вместе с тем логически удовлетворительную интерпретацию должны получать появляющиеся в стихах контрадикции, и, разумеется, самый очевидный выход — признать, что их как будто взаимоисключающие члены гармонично сосуществуют, но только в вечности.

Знаменательно, что в фокусе лирического текста объединение контрадикторных пропозиций намного более вероятно, чем в эмпирических фрагментах.

Приведем иллюстрации.

Первой будет следующее стихотворение Пессоа, где две финальные и по совместительству фокусные строки декларируют одновременное и видение бездны, и отсутствие такого видения (перевод с португальского наш — Г. З.; в обсуждаемом плане он хорошо соответствует оригиналу, «Ah, só eu sei...»):

Наедине, наедине
С моей тревогой неминучей,
Где нет на дне
Ни просветлений, ни созвучий...

Я в ней исчезну,
Но эту боль не передам;
Она как бездна: видишь бездну —
И ничего не видишь там.

Далее, контрадикция присутствует в финале и фокусе мандельштамовского стихотворения «Я не слышал рассказов Оссиана...», чей текст уже приводился в п. 2.1. Здесь в заключительных строках при бесхитростном их прочтении оказывается, что одна и та же песня и принадлежит скальду, и ему не принадлежит.

В стихотворении Цветаевой «Дней сползающие слизи...» фокусными становятся четвертая и восьмая строки⁸. При этом в четвертой предполагается возможность, вообще говоря, неприемлемого противоречия 'моя жизнь также твоя', а в восьмой — такого же неприемлемого 'мое тело также твое':

8 Это редкий, но все-таки возможный случай, когда фокус не связан (либо не всецело связан) с финалом лирического текста. О данной особенности приводимого стихотворения подробнее см.: Зельдович 2021: 73–77 и др.

Дней сползающие слизи,
...Строк поденная швея...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.

И до бед мне мало дела
Собственных... — Еда? Спать?
Что до смертного мне тела?
Не мое, раз не твое⁹.

Что касается случаев, когда логически противоречив эмпирический фрагмент, то и они тоже встретились в нашем корпусе. Один из них — приводившийся выше, в п. 2.1, мандельштамовский «Ламарк», где внутренне противоречива двадцатая строка, *Зренья нет — ты зришь в последний раз*. В там же приведенном стихотворении Пессоа «Я сам — глубокая пучина...» об откровенно несовместимых вещах говорят нефокусные третья-четвертая строки, *...Прозрение, что есть причина Тому, чему причины нет*.

В рассмотренном материале из ста лирических стихотворений противоречия встретились 10 раз в эмпирических фрагментах и 13 раз в фокусных. Если же, напомним, средняя длина фокуса в 6,9 раза меньше, то оказывается, что реальная частотность интересующего нас приема в фокусе ни много ни мало **вдевятиро** выше ($13 : 10 = 1,3$; $1,3 \times 6,9 = 9$), а стало быть, прием этот является для фокуса надежным маркером.

2.3. Стратегия 3: «Опустошение» времени

Поскольку, как мы уже говорили, время в определенной степени уподобляется вечности, когда ставится под вопрос его динамизм, а он создается взаимопорядком помещенных во время событий, постольку названного уподобления можно достичь, просто «опустошив» время,

⁹ Здесь и ниже тексты М. И. Цветаевой приводятся по изд: Цветаева 1994.

то есть сигнализируя, что каких-то прагматически важных событий в нем просто нет.

Данный прием отнюдь не так бесхитроsten, как могло бы казаться, ибо на самом деле сближение времени с вечностью здесь происходит сразу двояким образом: у времени не только (частично) отнимается его внутренняя взаимоупорядоченность, но еще ему очень имплицитно приписывается и другой, уже положительный, а при этом также чуждый его природе атрибут.

Отрицая событие, мы в норме предполагаем, что оно ожидалось или могло кем-то ожидаться; вспомним хрестоматийный пример *Жена Джона не беременна*, где предполагается наличие известных и говорящему, и адресату обстоятельств, ввиду которых жена Джона, наоборот, должна быть беременна (см. подробно: Givón 1978). Поэтому сообщая, что на интересующем нас временном отрезке события нет, мы все равно каким-то сложным образом приурочиваем последнее к первому: событие отсутствует, но отсутствие его не полное, как бы омраченное тенью присутствия. Между тем, если из двух интересных нам «вместилищ» надо было бы выбрать то, для которого подобное присутствие в отсутствии по-настоящему естественно, то таковым бесспорно окажется не время, а вечность.

Ввиду всего этого разумно допустить, что если лирический фокус тяготеет к сокращению расстояния между временем и вечностью, то он должен обращаться к «бессодержательному» времени чаще, нежели эмпирические фрагменты стихотворения.

Судя по результатам наших изысканий, такая гипотеза верна, и ниже будут представлены свидетельства в ее пользу. Однако прежде требуются три пояснения.

Во-первых, опустошение времени может носить абсолютный и относительный характер. Когда оно абсолютно, на соответствующем интервале не происходят вообще никакие релевантные в мире данного текста события, когда же относительно — не происходят релевантные события определенного рода, то есть опустошается время лишь в части существенных аспектов. При анализе текстов на равных правах учитывались оба эти варианта.

Во-вторых, об опустошенном времени можно говорить не только по отношению к сфере *realis*, но и в связи с ирреальными по модальности

высказываниями, такого типа, как, например, *Лучше, если ты не говорил бы лишнего; Не уходи; Нечего тебе тревожиться...* (Г. В. Иванов).

В-третьих, утверждая наличие некоторой ситуации, в подавляющем большинстве случаев мы приурочиваем ее к определенному для нас или по крайней мере принципиально определенному времени и подразумеваем, что в другом времени ее нет. Иными словами, почти из любого утверждения допустимо вывести отрицательную импликацию следующего типа: *Маша сварила суп* => 'сейчас Маша не варит суп'; *Я болел* => 'сейчас я не болен'; *Я вас любил* => 'сейчас я вас не люблю'. Поэтому, чтобы наш анализ не подвергся разрушительной тривиализации, в нем учитывалась только такая «бессодержательность» времени, которая предопределена собственно семантикой сказанного.

Часто на «бессобытийный» характер времени указывает стандартное отрицательное слово *не*, но эту же роль способна выполнять и отрицательная приставка (ср. мандельштамовскую строку *И свода дерзкого бездействует таран*), и языковые средства, в своей семантике содержащие негацию, но ее не эксплицирующие: слова *только, один, закончиться, потерять* и мн. др.; ср. у Пастернака: *Одна среди снегопада Стоишь ты на углу* => 'другие люди из релевантного множества не стоят на углу', — или у Г. Иванова: *Потеряв даже в прошлое веру...* => 'не веря даже в прошлое'.

Обратимся к примерам.

Один из них — уже приведенное выше, в п. 2.2, стихотворение Пес-соа «Наедине, наедине...», где финал и фокус говорит об отсутствии соответствующего события, так что по отношению к последнему данный временной интервал оказывается опустошенным.

В также приводившемся в п. 2.2 стихотворении Цветаевой «Дней сползающие слизи...» роль фокуса, напомним, играют четвертая и восьмая строки, и едва ли случайно, если в каждой из них речь идет о том, что субъект (*жизнь* в четвертой, *тело* в восьмой) лишен сразу двух важных атрибутов, то есть от ситуаций 'моя жизнь — это моя жизнь', 'моя жизнь — это твоя жизнь', 'мое тело — это мое тело' и 'мое тело — это твое тело' время оказывается «освобожденным», — тогда как нигде в эмпирического содержания строках 1–3 и 5–7 подобного «освобождения» нет.

Другой выразительный пример — стихотворение Цветаевой «Ты, меня любивший фальшью...». Здесь «опустошающий» время смысл 'ты меня сейчас не любишь' сначала трижды выражается на правах импликатуры и по объясненным выше причинам нами не должен учитываться, зато в фокусе, каковым являются две финальные строки, смысл этот — уже собственно семантический.

Ты, меня любивший фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший — дальше
Некуда! — За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. — Десницы взмах!
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

Разумеется, интересующее нас явление обнаружилось и в эмпирических частях проанализированных текстов.

Например, на то, что определенная ситуация не будет иметь места позднее или не имеет места ныне, в следующем стихотворении Г. Иванова указывают как становящиеся фокусом строки 7–8 — потому, что в них есть обычное эксплицитное отрицание, — так и эмпирические по содержанию строки 1–2 — благодаря отрицанию, присутствующему в семантике глагола *потерять*:

Потеряв даже в прошлое веру,
Став ни это, мой друг, и ни то, —
Уплываем теперь на Цитеру
В синеватом сиянии Ватто...

Грусть любит лунным пейзажем,
Смерть, как парус, шумит за кормой...

...Никому ни о чем не расскажем,
Никогда не вернемся домой¹⁰.

Что касается количественного распределения «опустошающих» время конструкций между эмпирическими и фокусными фрагментами, то в эмпирических они встретились 121 раз, а в фокусных — только 34 раза. Поскольку, однако, как мы помним, в лирическом тексте средняя длина фокуса приблизительно в 6,9 раза скромнее, чем средняя длина эмпирических фрагментов, постольку на самом деле опустошенное время было связано с фокусом почти вдвое чаще ($34 : 121 = 0,28$; $0,28 \times 6,9 = 1,9$), так что опустошенность эта является его хотя и не самой яркой, но все же достойной внимания приметой.

2.4. Стратегия 4: Кластеризация референтов

В нашей речи постоянно бывает так, что в минимальном отдалении друг от друга упоминаются два либо несколько референтов. Их соприсутствие вызывается разными причинами: соответствующие существительные или местоимения могут оказаться актантами имеющего более, чем одну валентность, глагола; могут стать частями посессивной конструкции; могут оказаться компонентами сочинительного ряда и др.

Полезно подумать, в какие же темпоральные отношения способны вступать подобные референты, и здесь мы видим три варианта.

Вариант 1. Данные референты мыслятся как принципиально друг от друга не зависящие; вне особых контекстов, которые сужают пространство релевантных возможностей, упоминание одного референта не заставляет нас подумать о другом; как следствие, каждый способен без ограничений участвовать в своих отдельных и априори разновременных событиях и привлекать к себе интерес говорящего в разное время. Так, вне особых контекстов обращение и к референту *Иван*, и к референту *Александр* во фразе *Иван ударил Александра* не значит, буд-

¹⁰ Текст приводится по изд.: Иванов 1994. Что касается оборота *ни это... и ни то*, едва ли его следует счесть «опустошающим» время, ибо тут соответствующие субъекты не теряют в полном смысле своих конкретных качеств, но просто сообщается, насколько последние трудно распознать (что ведет к возникновению отрицательных коннотаций, но это для нас несущественно).

то говорящий в какие-то моменты не захочет что-то сказать о самом по себе *Иване* или самом по себе *Александре*, и не значит, будто сообщение только об одном из них менее вероятно, нежели сообщение об обоих сразу.

Вариант 2. Данные референты не просто вместе упомянуты в том или ином конкретном предложении, но также друг с другом связаны в нашей картине мира и/или в языке. Например, представление о *солнце* и *свете* для нас тесно ассоциировано с представлением о *лучах*, а представление о *человеке* — с представлением о его *лице*, его *теле*, его *родителях* и мн. др. Поэтому во фразах *Виден желтый луч солнца* или *Здесь живут родители Ивана* соседство двух референтов оказывается более далеким от случайности, чем это было выше. Разумеется, свобода каждого референта самостоятельно и в отдельное время становиться участником какого-то интересного говорящему события здесь более ограничена, нежели при первом варианте. Однако, с другой стороны, такая рестрикция достаточно тривиальна в том смысле, что прямо вытекает не из связанных с конкретным текстом, а общих, априорных знаний.

Вариант 3. Наконец, ограничение на взаимную независимость референтов иногда налагается отдельным, конкретным текстом, в силу его конкретного, индивидуального содержания. Во-первых, так происходит, если именно их совместным присутствием в данной ситуации обуславливается определенное порождаемое ею следствие, которое явствуется из контекста и которое без такой совместности не возникло бы (в частном случае это возможность осознать определенную важную истину), или же, наоборот, их необходимо совместное присутствие само является следствием какой-то названной в контексте причины. Во-вторых, референты теряют в своей автономности, если текст сообщает о существующих между ними самими нестандартных каузальных связях, о том, что присутствием одного референта имплицировано присутствие другого.

Очевидно, такое взаимоотношение между референтами — самое нетривиальное из трех.

Поэтому разумно полагать, что если последний модус соупоминания референтов реализуется в лирической поэзии (первый же и второй реализуются несомненно и регулярно), то именно он с наи-

большей вероятностью может обретать ранг художественного приема, в частности — приема, служащего маркированию композиционных разделов.

Судя по всему, так на самом деле и происходит.

Когда упомянутые рядом референты в значительной степени теряют свое право поодиночке участвовать в разновременных, независимых друг от друга событиях, в результате оказывается ослабленным, обедненным тот общий взаимопорядок разверстанных по времени событий, которым само время созидается. Время становится, фигурально выражаясь, менее временем, а оттого, по представленной в начале работы апофатической логике, становится ближе к вечности. Важно и то, что по сути дела интересующие нас референты утрачивают свою отдельность и выступают как части более сложного, комплексного референта, в огромной мере искусственного и странного, а чем референт необычнее, тем в большей степени должна ощущаться его связь не только с временем, но и с вечностью — ибо во времени единство такого референта обставлено определенными условиями, а от вечности, понимаемой как полнота всех мыслимых потенций, даже самый причудливый воображимый феномен никакому отчуждению не подлежит¹¹.

Мы располагаем примерами, показывающими, что в лирике нетривиальная, обусловленная особенностями данного конкретного текста интеграция нескольких простых референтов в один сложный действительно встречается, причем встречается главным образом в фокусе.

Посмотрим сначала на блоковское «Ночь, улица, фонарь, аптека...»:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

11 Также существенно, что совершающееся здесь по крайней мере частичное отождествление разных референтов делает текст более ориентированным на мифологическое восприятие мира, в частности на циклизацию времени, которая, как мы уже говорили в п. 2.1, тоже приближает его к вечности. Развивать эту тему мы не можем, но ср. чрезвычайно важные относящиеся к ней наблюдения Ю. М. Лотмана (1996: 206 и далее).

Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь¹².

В открывающих стихотворение двух строках упомянуто целых пять референтов, но только между *улицей* и *фонарем* можно усмотреть имплицативное отношение (на улице обычно есть фонари), вдобавок же импликация эта тривиальна, ибо предопределяется нашими общими знаниями о мире. Такая же тривиальная импликация возникает и в заключительном и одновременно фокусном двустии между референтом *аптека* и референтом *улица* (ибо аптека редко располагается в ином месте), а также между референтом *улица* и референтом *фонарь*. Однако сверх этого, учитывая содержание строк 1–2 и строки 6, и *аптека*, и *улица*, и *фонарь* становятся предугадываемыми из открывающей предпоследнюю строку *ночи*, и эта взаимосвязанность референтов уже вытекает не из наших общих представлений о значении соответствующих слов либо о мире, но из уникальных особенностей данного текста.

Отчасти сходно с блоковским и следующее стихотворение Мандельштама:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи —
На головах царей божественная пена —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот, Гомер молчит,

¹² Текст приводится по изд.: Блок 1997.

И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Как фокусные тут естественно прочитываются заключительные две с половиной строки. При этом, поскольку чуть раньше, в строке *И море, и Гомер — все движется любовью*, ясно показано, что авторское внимание привлечено только к референтам *море* и *Гомер*, а непосредственно перед названным фокусом задается вопрос *Кого же слушать мне?*, сосредотачивающий это внимание именно на перспективе *услышать* море и Гомера, постольку фраза *Гомер молчит* делает дальнейшее упоминание о *море* куда более ожидаемым, нежели это вытекало бы из наших общих представлений о содержании гомеровского эпоса. Иными словами, тут утонченным приемом два референта снова объединяются в кластер.

С подобным же эффектом, хотя и несколько по-иному достигаемым, мы встречаемся в стихотворении Цветаевой «Дней сползающие слизни...», текст которого приводился выше, в п. 2.2. Фокусными, напомним, здесь являются четвертая и восьмая строки. В четвертой речь ведется о группе референтов *я, (моя) жизнь, ты*¹³, в восьмой — о группе *я, (мое) тело, ты*. При этом, вразрез стереотипным представлениям, если референт *ты* изъят из каждого ряда, то разрушается также вообще-то законная связь между первым и вторым референтом, а тем самым и второй референт в каком-то важном своем аспекте перестает существовать, что, в свою очередь, очевидно угрожает также существованию первого. В результате пускай и не в реальном (либо выдаваемом за реальный), а в сформированном стремлениями авторского *я* воображаемом мире референты снова оказываются единым целым, которое даже более нерасторжимо, чем это было в предшествующих примерах.

Наконец, еще одна вариация на ту же тему есть в стихотворении Цветаевой «Ты, меня любивший фальшью...», текст которого также

13 Вообще говоря, трактовка жизни как референта могла бы вызвать вопросы, так как в принципе *жизнь* — слово предикатной, а не референтной семантики. Однако в данном случае *жизнь*, воспринимаемая как посессум, способный менять владельца, а вдобавок еще и поставленная в один ряд с *телом*, подвергается столь серьезной реификации, что все-таки надо признать ее референтом.

приводился ранее, в п. 2.3. Как мы уже говорили, фокусом тут становятся заключительные строки. При этом последняя строка носит металингвистический характер, а пять слов предпоследней все становятся референтами, к которым она обращается. Коль скоро же речь идет не просто об истине, но об истине жизнеопределяющей, именно такое, какое есть, соединение этих слов обретает особую знаменательность: любая в нем перемена не просто вела бы к модификации смысла, но была бы отступлением от того ключевого, ради чего возникли цветаяевские стихи.

Проиллюстрируем случай, когда кластеризация референтов имеет место вне фокуса. Так дело обстоит в стихотворении Цветаевой:

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сем.
Так разминутись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.

В братственной ненависти союзной
— Буйволами! — на скалу — скала.
С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанную — спала.

Порознь! — даже на ложе брачном —
Порознь! — даже сцепясь в кулак —
Порознь! — на языке двузначном —
Поздно и порознь — вот наш брак!

Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв как лев —
Так разминутися: сын Фетиды
С дочерью Аресовой: Ахиллес

С Пенфезилеей.

О вспомни — снизу

Взгляд ее! сбитого седока

Взгляд! не с Олимпа уже, — из жижи

Взгляд ее — все ж еще свысока!

Что ж из того, что отсель одна в нем

Ревность: женою урвать у тьмы.

Не суждено, чтобы равный — с равным...

.....

Так разминовываемся — мы.

В открывающих стихотворение строках *Не суждено, чтобы сильный с сильным Соединились бы в мире сем* предъявлена особая, не общая, но специфическая для данного текста причина, по которой автор, упомянув о *Зигфриде*, практически наверняка должен упомянуть *Брунгильду*, а упомянув о *сыне Фетиды (Ахиллесе)* — обратиться еще и к референту *дщерь Аресова (Пенфезилея)*: именно *Зигфрид* и *Брунгильда* в германских легендах и именно *Ахиллес* и *Пенфезилея* в гомеровском эпосе владели сравнимой силой; *Зигфрид* хотел жениться на *Брунгильде*, а *Ахиллес* признался в любви к *Пенфезилее*. Без такой инициальной декларации связь между первым и вторым референтом каждой пары была бы неизмеримо более свободной, допуская, например, что если речь идет о *Зигфриде*, то разминуться он мог не с *Брунгильдой*, а с ее дочерью *Кримгильдой*, с драконом (которого, согласно легенде, он убил) и т. д.¹⁴

Обратимся к статистическим данным. Проанализировав сто лирических стихотворений нашего корпуса, мы обнаружили кластеризацию референтов в эмпирических фрагментах 6 раз, в фокусных же 8 раз. И, вновь-таки, если учесть среднестатистическую краткость фокусных, чья длина меньше длины эмпирических в 6,9 раза, то мы убедимся, что кластеризация референтов является почти безошибочным маркером

¹⁴ Примечательно, что хотя весьма похожим образом в этом стихотворении устроены также две последние и фокусные строки, интересующей нас кластеризации в них нет. Здесь говорится об авторе и адресате (*мы*), но загодя не известно ни то, что они сильные или равные, ни то, что хотя бы у одного к другому есть сердечное чувство. Поэтому их объединение оказывается неожиданным и, очень в духе Цветаевой, ломающим прежде сложившуюся в тексте — а вдобавок еще и весьма неординарную — инерцию.

фокуса — ибо ее реальная частотность в последнем превышает ее частотность в прочих частях текста почти вдесятеро ($8 : 6 = 1,33$; $1,33 \times 6,9 = 9,2$).

2.5. Стратегия 5: Характеризующие и нехарактеризующие итеративы

Выше, в п. 2.1–2.4, анализировались случаи, когда время тяготеет к частичной утрате своих прототипических свойств, которая делает его, фигурально выражаясь, меньше временем и, по апофатической логике, в какой-то степени сближает с вечностью.

Вместе с тем, как мы говорили в начале работы, подобная близость может достигаться и обратным способом, уже через усложнение, в частном случае через своего рода удвоение присущей времени внутренней структуры — ибо многомерный и многообъемлющий характер свойствен в первую очередь именно вечности. Один из соответствующих приемов нами уже был описан (Зельдович 2025), но на самом деле их существует гораздо больше; среди прочего, в достижении данной цели способен играть роль выбор между двумя типами итератива.

Если та или иная конструкция употреблена в итеративном смысле, то есть называет повторяющееся событие, интерес говорящего может, во-первых, сосредоточиваться только на тех моментах либо временных отрезках, когда оно совершается, во-вторых, для говорящего может быть важным весь вмещающий многократные повторы временной интервал — ибо через сообщение о периодическом наличии события в действительности дается целостная характеристика его субъекту, иногда объекту или бенефицианту, порой определенному месту, где оно происходило, а в отдельных случаях даже некоему референту, в событии прямо не участвующему, но просто ассоциированному с его участником.

Разница между обычным и характеризующим итеративом хорошо видна в контекстах, заведомо требующих сказать о референте нечто важное: здесь при прочих благоприятных обстоятельствах итератив характеризующий употребляется свободно, а нехарактеризующий по меньшей мере сомнителен; ср. пары примеров:

- (1) [Контекст:
– Что за человек Петров?]
а. ?? – Иногда он появляется в нашем любительском театре (информация о периодических приходах в театр плохо помогает оценить личность человека, его статус в обществе и т. п.);
б. – Иногда он появляется в компании миллиардеров (здесь можно сделать вывод о его высоком статусе, наличии у него влиятельных знакомых и проч.).
- (2) [Контекст:
– Чего добились в жизни Маша?]
а. * – Время от времени она поет (по чьему-то периодическому пению судить о жизненных успехах нельзя);
б. – Время от времени она поет в театре «Ла Скала» (упомянут бесспорный признак большого успеха).
- (3) а. [Контекст:
– Что (важное) можно сказать об этих туфлях?]
* – Они часто падают на пол (то, о чем тут сообщается, крайне трудно считать существенным признаком туфель);
б. [Контекст:
– Что (важное) можно сказать об этих самолетах?]
– Они часто падают (принциально важная их особенность).
- (4) [Контекст:
– Чем тебе будет памятен прошедший год?]
а. ?? – Я каждый день встречался с нашим дворником;
б. – Я каждый день встречался с любимой женщиной.

Очевидно, имплицитное характеризующим итеративом время двойственно в том смысле, что здесь актуализированы и моменты или интервалы, когда имеет место каждая единичная инстанция события, и, дополнительно, весь тот протяженный период, к которому приурочена общая характеристика. Существенно, что два этих аспекта хорошо друг другу противопоставлены, ибо как чистая итеративность возможна без характеристики, так и характеристика референта через его участие в событии или косвенную причастность к событию возникает не только в итеративных контекстах, но также в контекстах, где

повторение событий ничем не гарантировано, например, в общефактическом контексте; ср. фразу *Иван выигрывал в шахматы у Михаила Таля*, легко допускающую понимание в духе 'Иван очень сильный шахматист'¹⁵.

В таком случае трудно не заподозрить, что характеризующего рода итеративы должны использоваться при маркировке лирического фокуса, и это действительно так.

В качестве первого примера вспомним уже рассматривавшееся по иному поводу в п. 2.1 мандельштамовское стихотворение «Я не слышал рассказов Оссиана...».

Здесь эмпирические строки 1–14 не содержат характеризующих итеративов. Так, конструкция *Я не слышал рассказов Оссиана* и конструкция <Я> *не пробовал старинного вина* сообщают об отсутствии соответствующего события на всем «большом» релевантном интервале, а вдобавок даже и стоящие за ними положительные корреляты *Я слышал рассказы Оссиана* и <Я> *пробовал старинное вино* далеко не с обязательностью имеют итеративный смысл. То же самое верно для строк 3–6, где глаголам *мерещится* и *чудится* допустимо приписать многократное значение, но это и далеко не единственный, и отнюдь не самый убедительный вариант, так что склониться к нему было бы крайне опасно.

Далее, в строках 7–8 глагол *мелькают* скорее всего итеративный, но у него не видно никакого характеризующего смысла; ср. хотя бы явно неудачные конструкции: ?? *Для шарфов важно, что они мелькают при луне*; ?? *Для дружинников важно, что их шарфы мелькают при луне*.

В строках 9–12 нет конструкций, допускающих итеративное прочтение.

¹⁵ Если в языке имеется глагольный перфект, то он также часто способен не только прямо указывать на текущую релевантность прошлого события, но и давать его участнику существенную связанную с событием целостную характеристику, причем сплошь и рядом она означает утрату интереса к текущей релевантности. Необычайно показательны в данном плане факты старославянского языка, представленные в: Плунгян/Урманчиева 2017.

Что же касается заключительного и фокусного двустушия, *И снова скальд чужую песню сложит И как свою ее произнесет*, то здесь, во-первых, речь идет о несомненно повторяющихся событиях, во-вторых же, их повторность становится и для *скальда*, и для *песни* существенной общей характеристикой.

Сходную в интересующем нас плане структуру имеет и стихотворение Пастернака «Зимняя ночь»:

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошकारа
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле
Седой и белой.

Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела¹⁶.

В эмпирических строфах 1–7 присутствуют конструкции, которые очень естественно счесть итеративными. Таковы строки *На озаренный потолок Ложились тени...*; строки *И падали два бабмачка Со стуком на пол*; строки *И воск слезами с ночника На платье капал*¹⁷. Однако нигде здесь не видно характеристики: нигде не сообщается что-то по-настоящему важное ни о *теньях* либо *потолке*, ни о *бабмачках*, ни о *воске*, *ночнике* или *платье*, ни об остающихся «за кадром» главных персонажах стихотворения.

В тексте также имеются эмпирические фрагменты, для которых итеративная интерпретация менее вероятна, но допустима. Таковы, например, конструкция [...] *летом роем мошкара Летит на пламя*, приблизительно в равной степени способная быть понятой как сообщение о реально повторяющихся ситуациях или же об отвлеченном от конкретных манифестаций универсальном правиле, и конструкция *Слетались хлопья со двора К оконной раме*, двусмысленная между ите-

¹⁶ Текст приводится по изд. Пастернак 1965.

¹⁷ Мы не хотим сказать, будто итеративная интерпретация тут единственно возможная; для нас только важно, что она и допустима, и достаточно вероятна. Это и последующие наблюдения во многом перекликаются с анализом «Зимней ночи» у А. К. Жолковского (2020), который видит колебания между единичным (или, точнее, единично-протяженным) и многократным значением глаголов как чрезвычайно важную особенность пастернаковского текста.

ративностью и дуративной однократностью. Однако даже если итеративность здесь усмотреть, она все равно не связана с характеристикой.

Что же касается рефрена, *Свеча горела на столе*, *Свеча горела*, то в первой, третьей и шестой строфах пониматься он практически наверняка должен как сообщение об одной, — возможно, и очень долгой, растянутой на недели, но все равно *одной* — ситуации, а даже если предпочесть итеративную интерпретацию, то не видно, какой референт мог бы тут быть характеризующим.

Тем выразительнее оказывается последняя и фокусная строфа, где та же самая ситуация 'свеча горела' обретает прямо, оборотом *то и дело*, просигнализованную итеративность, а при этом еще служит существенной характеристикой упомянутого в начальной строке *февраля*.

При работе с корпусом в лирическом фокусе характеризующих итеративов найдено 15, а за его пределами 21. Принимая же во внимание то, что фокус в среднем в 6,9 раза короче, чем эмпирические фрагменты, истинная вероятность, что он будет содержать характеризующую итеративную конструкцию, оказывается почти впятеро выше ($15 : 21 = 0,71$; $0,71 \times 6,9 = 4,9$), то есть характеризующий итератив обнаруживает прочную связь именно с дискурсивно первоплановыми частями стихотворения.

3. Заключение

Как было показано в пп. 2.1–2.4, в лирическом фокусе чаще — и в основном *значительно* чаще, — чем в эмпирических фрагментах стихотворения, ставится под угрозу та взаимоупорядоченность событий, которая конституирует время. Согласно же апофатической логике, почти повсеместно принимаемой как в европейских, так и восточных философско-религиозных учениях, того либо иного рода отрицание времени в первую очередь должно наводить на мысль о вечности (см. Кумарасвами 2017). Безусловно, утверждать, будто обнаруженные нами нарушения прототипического временного порядка превращают время в вечность, ни в коем случае нельзя, однако его к ней определенное —

скорее всего метафорически-художественное — приближение происходит практически наверняка.

В п. 2.5 мы убедились, что фокус отмечен и противоположной тенденцией: тенденцией к удвоению времени, к его разбивке на хорошо отличимые друг от друга «страты», которая также уподобляет временное вечному — пускай и снова в некотором тропеическом смысле, но все же в смысле, чья художественная и мировоззренческая важность давно продемонстрирована П. Рикером (1998).

Понимать все рассмотренные особенности созидаемого лирическим фокусом времени как попытку его трансцендирования и, так сказать, этернизации логично, с одной стороны, перед лицом того общего стремления подняться над непосредственным опытом, которое принципиально свойственно фокусу (см.: Сильман 1977), с другой же стороны, еще и потому, что только в этом случае как будто бы совершенно не взаимосвязанные факты предстанут в своем единстве, то есть, надо думать, — в своем истинном облике.

Литература

- Августин Аврелий (1991): *Исповедь*. Москва: Ренессанс.
- Блок, Александр (1997): *Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах*. Т. 3: *Стихотворения*. Москва: Наука.
- Жолковский, Александр (2020): «Скрещенья рук, ног, тропов и других поэтических приемов в „Зимней ночи“ Пастернака», в: *Новый мир* 2, 180–194.
- Зельдович, Геннадий (2021): *Дискурсивная перспектива в лирической поэзии: Опыт жанровой грамматики*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Зельдович, Геннадий (2025): «Лирический текст и вечность: „Удвоенность“ времени как показатель главного дискурсивного плана», в: *Slavia Orientalis* 2, 109–125.
- Иванов, Георгий (1994): *Собрание сочинений в трех томах*. Т. 1: *Стихотворения*. Москва: Согласие.
- Кумарасвами, Ананда (2017): *Время и вечность*. Санкт-Петербург: Русский Миръ.

- Лотман, Юрий (1996): *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. Москва: Языки русской культуры.
- Мандельштам, Осип (2009): *Полное собрание сочинений и писем в трех томах*. Т. 1: *Стихотворения*. Москва: Прогресс-Плеяда.
- Пастернак, Борис (1965): *Стихотворения и поэмы*. Москва/Ленинград: Советский писатель.
- Пессоа, Фернандо (2015): *Элегия тени*. Пер. с порт. Г. М. Зельдовича. Москва: Водолей.
- Плунгян, Владимир / Урманчиева, Анна (2017): «Перфект в старославянском: был ли он результативным?», в: *Slověne* 2, 13–56.
- Померанц, Григорий (2015 [1968]): *Некоторые течения восточного религиозного нигилизма*. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Харьков: Права людини.
- Пушкин, Александр (1955): *Стихотворения*. Т. 3. Ленинград: Советский писатель.
- Рикер, Поль (1998): *Время и рассказ*. Т. 1. Москва/Санкт-Петербург: Университетская книга.
- Сильман Тамара (1977): *Заметки о лирике*. Ленинград: Советский писатель.
- Цветаева, Марина (1994): *Собрание сочинений в семи томах*. Т. 2: *Стихотворения. Переводы*. Москва: Эллис Лак.
- Davidson, Donald (1980): “The Individuation of Events”, in: Idem: *Essays on Actions and Events*. Oxford: Clarendon Press, 163–180.
- Givón, Talmy (1978): “Negation in Language: Pragmatics, Function, Ontology”, in: Cole, Peter (Ed.). *Syntax and Semantics*. Vol. 9: *Pragmatics*. New York et al.: Academic Press, 69–112.

Приложение:

Корпус учтенных при анализе лирических текстов

- А. А. Ахматова: «Хорошо здесь: и шелест, и хруст...»
- Р. Киплинг: «Я встретил осень, не прожив весны» (Пер. с англ. И. Б. Комаровой)
- Мацуо Басе: «Букетик цветов...»; «Луна — проводник...»; «Протянул ирис...»; «Скучные дожди...»; «Ива на ветру» (Пер. с яп. В. Соколова)

А. А. Блок: «Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Ап. А. Григорьев: «Они меня истерзали...»

Г. В. Иванов: «Бредет старик на рыбный рынок...»; «Друг друга отражают зеркала...»; «Закат в полнеба занесен...»; «Здесь в лесах даже розы цветут...»; «Меняется прическа и костюм...»; «Мне весна ничего не сказала...»; «Нечего тебе тревожиться...»; «Потеряв даже в прошлое веру...»; «Теперь, когда я сгнил и черви обглодали...»; «Что-то сбудется, что-то не сбудется»; «Я люблю безнадежный покой...»

Идзуми Сикибу: «Чтобы помнить тебя...» (Пер. с яп. В. С. Сановича)

Исикава Такубоку: «Там, где упала слеза...»; «Не знаю отчего...» (Пер. с яп. В. Н. Марковой)

М. Ю. Лермонтов: «Парус»; «Выхожу один я на дорогу...»

Б. Лесьмян: «Запоздалое признание»; «Не к тебе ль устремляется дух мой крылатый...»; «Потекла душа в дорогу... Зазвонили звоны...» (Пер. с пол. Г. М. Зельдовича)

О. Э. Мандельштам: «Айя-София»; «Бах»; «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»; «В огромном омуте прозрачно и темно...»; «Воздух пасмурный влажен и гулок...»; «Возможна ли женщине мертвой хвала?...»; «В таверне воровская шайка...»; «Дев полуночных отвага...»; «Декабрист»; «Домби и сын»; «За гремучую доблесть грядущих веков...»; «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»; «Концерт на вокзале»; «Ламарк»; «Люблю появление ткани...»; «Мне Тифлис горбатый снится...»; «Мы напряженного молчанья не выносим...»; «Notre Dame»; «Образ твой, мучительный и зыбкий...»; «Паденье — неизменный спутник страха...»; «После полуночи сердце ворует...»; «Раковина»; «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»; «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»; «Tristia»; «Холодок щекошет темя...»; «Я буду метаться по табору улицы темной...»; «Я не слышал рассказов Оссиана...»

Мацунага Тэйтоку: «Летние ливни» (Пер. с яп. Т. Л. Соколовой-Делюсиной)

Б. Л. Пастернак: «Гул затих. Я вышел на подмостки»; «Зимняя ночь»; «Никого не будет в доме...»; «О, знал бы я, что так бывает...»; «Пир»; «Свидание»

- Ф. Пессоа: «Наедине, наедине...»; «Тревогой невнятной и краткой...»; «Я знаю, что есть острова в океане...»; «Я сам — глубокая пучина...» (Пер. с порт. Г. М. Зельдовича)
- А. С. Пушкин: «Буря мглою небо кроет...»; «Дар напрасный, дар случайный...»; «Для берегов отчизны дальной...»; «Зимняя дорога»; «Мороз и солнце; день чудесный!..»; «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»; «Я вас любил: любовь еще, быть может...»
- Р. М. Рильке: «Уж рдеет барбарис, и ароматом...» (Пер. с нем. Т. И. Сильман)
- М. де Са-Карнейро: «Я оглянусь. И вещи, и мечта...» (Пер. с порт. Г. М. Зельдовича)
- Ф. К. Сологуб: «Подыши еще немного...»
- А. А. Тарковский: «Балет»; «Греческая кофейня»; «Зимой»; «И я ниоткуда...»; «Конец навигации»; «Малютка-жизнь»; «Мы шли босые, злые...»; «Песня под пулями»
- Тэндзи-тэнно: «На осеннем поле...» (Пер. с яп. В. С. Сановича)
- Ф. И. Тютчев: «В разлуке есть высокое значенье...»; «Природа — Сфинкс. И тем она верней...»; «Я лютеран люблю богослуженье...»
- Фунтя-но Асаясу: «Осенний ветер...» (Пер. с яп. В. С. Сановича)
- М. И. Цветаева: «Але»; «В раю»; «Горечь! Горечь! Вечный привкус...»; «Дней сползающие слизи...»; «Дома до звезд, а небо ниже...»; «Если душа родилась крылатой...»; «Не суждено, чтобы сильный с сильным...»; «Ревнивый ветер треплет шаль...»; «Ты, меня любивший фальшью...»
- Л. Эпштейн: «Листья уже погибли, но в ягодах красных ветка...»